

НАШ СОВРЕМЕННИК АЛЕКСАНДР ГРИН

Одна из главных тем творчества московского литературоведа, кандидата филологических наук В. Е. Ковского — тема Александра Грина, замечательного писателя, нашего земляка. Известны книги В. Ковского «Александр Грин. Преображение действительности», «Романтический мир Александра Грина», его журнальные выступления о писателе.

Ниже публикуется статья В. Ковского, написанная для «Крымской правды». Он делится впечатлениями о посещении Дома-музея А. Грина в Феодосии.

ВЫИДЯ из вагона, сразу же попадаешь в ослепительно-солнечный, полный гомона и улыбок курортный уголок: феодосийский вокзал расположен неловко, в самом центре города, почти у набережной, и локомотивы денно и нощно тащат поезд за городского пляжа.

Галерейная улица, словно указующий перст, нацелена от железной дороги прямо к бордовому квадрату особняка Айвазовского. И стоит только совсем немного углубиться по ней в город, как тяжеляя, с внушительными чугунными воротами стена особняка откатывается назад, к морю, а из-за угла уже плавно движется навстречу бригантине, укрепленной на зеленовато-голубом, цвета потертой морской карты, торце одноэтажного дома под красной черепичной крышей. Отсюда теперь начинается недавно отвовавший себе несколько дополнительных помещений музей Грина, отсюда начинается и совершенно особый, гри-

новский, квартал в Феодосии.

«Построили» бригантину московские художники-архитекторы Савва Бродский, Александр Бродский и Илья Уткин. Савва Бродский давно и прочно жился в гриновский мир: сперва это были прекрасные иллюстрации к собранию сочинений, потом — музей, чьи комнаты оформлены в виде кают парусника. И вот развивающийся художественный замысел шагнул в город, тронув изысканным романтическим штрихом домашнюю простоту современного феодосийского пейзажа.

Феодосийский музей крайне своеобразен — он сам по себе уже плод романтической фантазии, в нем, по существу, нет мемориальных вещей. Мемориален разве что дом, где Грин с женой и тещей снимали комнаты четыре года.

Хотя для любителей морской экзотики есть остроумно придуманная С. Бродским — для «разрядки» — каюта капитана Геза, вся деятельность музея носит отчетливо выраженный научно-экспозиционный характер. Изучается творчество ху-

дожника, готовятся лекции, научно-методические разработки, собираются факты, биографии, документы, издания Грина и то, что написано о нем. Сменяются выставки: «Грин в живописи», «Грин и кинематограф», «Грин и искусство фотофантазии». Должно быть трогательно преданной своему делу Ларисы Дмитриевны Большаковой внушительно именуется: главный хранитель фонда. Экскурсоводы и научные сотрудники шуточно жалуются, что ее главная задача — охранять фонд от экспозиций и изучения. Большакова сокрушается: нельзя же выставлять на стенды оригиналы, они портятся, выгорают... Хранителю есть что хранить — в фонде уже около четырех тысяч единиц.

Несколько маленьких комнат, где жил со своей семьей Грин, пропускают через себя летом полторы — две тысячи человек в день. В день! Представляете? А в год — 180—200 тысяч. Столько же посетителей в год принимают литературные музеи Москвы, вместе взятые. «Все музеи как музеи, борются за посещаемость», — с мрачным юмором констатирует директор, энергичная, полная планов Людмила Владимировна Карякина, — а нам надо принимать срочные меры, чтобы ее снизить. И не только в том дело, что экскурсоводы наши вынуждены обслуживать ежедневно по восемь групп при

норме четыре, они — энтузиасты, выдержат, а вот дом развалится».

Пожалуй, только теперь Грин начинает возвращаться к нам без масок — будь то зловещий облик «иностранца русской литературы» или сентиментальный портрет закоренелого романтика и несправимого «рыцаря мечты». И, пожалуй, только теперь мы получаем историческую возможность воспринять его в роли «просто» классика отечественной литературы, органически связанного с ее великой духовной традицией, пафосом борьбы за культуру, замечательного мастера слова, вышедшего на плодотворной почве художественных процессов начала века и, естественно, соединившего безудержный сюжетный вымысел с глубоким психологическим анализом, исповедь с проповедью, условность с достоверностью...

Обо всем этом шла речь на первых в истории нашего литературоведения «гриновских чтениях», организованных феодосийским музеем ко дню рождения писателя. А по окончании чтений в музее состоялась очередная гриновская «суббота», ярко обнаружившая и новое качество понимания Грина в 80-е годы, и новые формы деятельности самого музея, имеющего все основания к тому, чтобы стать в будущем одним из своеобразных центров культурной жизни Крыма.

Гриновские «субботы» — это встречи с Грином после того, как рабочий день музея закончился, это творческие попытки осознать Грина в контексте современной культуры, современных этических и эстетических потребностей. «Суббота», которая мне особенно запомнилась, была необычайно интересной и неожиданной по жанру. Из Симферополя приехали режиссер Крымского драматического театра Борис Мартынов, композитор и гитарист Анатолий Шевченко и преподаватель сельскохозяйственного института Александр Медведев, увлекающийся восточными философскими учениями. Приехали для того, чтобы показать музыкально-театрализованную композицию по литературоведческой статье. Статья представляет собой очень высокого профессионального уровня анализ структуры одного из сложнейших рассказов Грина — «Фанданго» и принадлежит перу (что тоже достаточно неожиданно) студентки Симферопольского университета Светланы Величко. Чтением статьи, исполнением отрывков из рассказа, устными комментариями и музыкальными «разъяснениями» текста участники композиции блестяще продемонстрировали, что в «Фанданго» изображен сам процесс создания произведения, вскрыты тончайшие психологические механизмы творческого акта.

Трудно, конечно, «на слух» оценить аргументацию и основательность всех положений статьи, однако принципиально новый характер подходов к творчеству Грина, опровергающий, в частности, стереотипные представления о поверхностности его знаний, о жанре и о самом материале его прозы, выражен здесь со всей очевидностью.

...После этого прекрасного вечера мы большой толпой отправляемся в гости к заведующей экскурсионным отделом музея Валентине Николаевне Лауре. Феодосийская ночь дышит медленно остывающим зноем. Длинный стол распростирается прямо во дворе, под сводом виноградных лоз. Из-за тун золотым ломтем крымской дыни выступает луна. Гитара в виртуозных руках Шевченко звучит целым оркестром. Он играет фанданго. Валя Лаура говорит: «Давайте поздравим Александра Степановича с днем рождения. Это неправда, что он был несчастен и одинок. Ему здорово повезло, раз мы все здесь, раз мы сошлись на встречу с ним, раз каждый день приходят к нему тысячи друзей». Мы пьем «золотое, терпкое вино», и чудится, что, устало сутулясь, Грин движется нам навстречу, чтобы занять свое место за столом и погреться у нашего тепла...

Вадим КОВСКИЙ.